

В.В. Кондрашин*

**КРЕСТЬЯНСТВО – ИСТОЧНИК ЛЮДСКИХ
И МАТЕРИАЛЬНЫХ РЕСУРСОВ
В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ ДЛЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ****doi:10.31518/2618-9100-2023-4-4
УДК 94(47)"1918/1922"

Выходные данные для цитирования:
Кондрашин В.В. Крестьянство – источник людских и материальных ресурсов в Гражданской войне для советской власти // Исторический курьер. 2023. № 4 (30). С. 49–68. URL: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-4-04.pdf>

V.V. Kondrashin *

**THE PEASANTRY AS A SOURCE OF HUMAN
AND MATERIAL RESOURCES IN THE CIVIL WAR
FOR THE SOVIET GOVERNMENT****

doi:10.31518/2618-9100-2023-4-4

How to cite:
Kondrashin V.V. *The Peasantry as a Source of Human and Material Resources in the Civil War for the Soviet Government* // *Historical Courier*, 2023, No. 4 (30), pp. 49–68. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-4-04.pdf>]

Abstract. The article highlights one of the most important aspects of the history of the Civil War in Russia – the participation of the peasantry in it. It substantiates the thesis that the peasantry and the peasant economy were the main source of human and material resources for the Soviet power during the Civil War. At that time Prodravzverstka, a forced measure of Soviet power during the war, became the most difficult ordeal for the peasants in the territory controlled by the Bolsheviks. The scale of the seizure during Prodravzverstka was not coordinated with the surplus of grain in the peasant farms, so Prodravzverstka had a negative impact on their condition and contributed to the decline in agricultural production. At the same time the food situation of the peasant families deteriorated. During the Civil War the peasants in the Bolshevik-controlled territory were enlisted on a mass scale for labor and horse-drawn labour. The peasants took a direct part in the Civil War on the side of the Soviets as mobilized and volunteers for the Red Army. They made up the bulk of its soldiers. The attitudes of various social groups of the peasantry toward the defense of Soviet power in the Red Army varied. Its most active supporters, especially at the first stage of the Red Army formation, were representatives of the poorest peasantry. But their share was insignificant in the total mass of peasants in the Red Army who found themselves there during the mobilizations. On the territory of Soviet Russia they also created their own “peasant front” against the policy of “war communism”: the “Chapan War”, Makhnovshchina, Antonovshchina, “Fork revolt”, the West Siberian uprising, etc. Despite this, the peasants provided the Bolshevik regime, industrial centers and the Red Army with food and raw materials, fulfilled various state duties, and fought in the ranks of the Red Army at the war fronts. This allowed the Soviet state to defeat the political regimes that opposed them in the Civil War.

Keywords: peasantry, Civil War, “war communism”, surplus appropriation, peasant protest.

The article has been received by the editor on 16.04.2023. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

* **Виктор Викторович Кондрашин**, доктор исторических наук, профессор, Институт российской истории Российской академии наук, Москва, Россия, e-mail: vikont37@yandex.ru

Viktor Viktorovich Kondrashin, Doctor of Historical Sciences, Professor, The Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, e-mail: vikont37@yandex.ru

** Статья подготовлена в рамках апробации главы 12 тома «Истории России» ИРИ РАН.

The article was prepared as part of the testing of chapter 12 of the volume “History of Russia” of the IRI RAS.

Аннотация. В статье освещается один из важнейших аспектов истории Гражданской войны в России – участие в ней крестьянства. Обосновывается тезис о том, что именно крестьянство, крестьянское хозяйство стали основным источником людских и материальных ресурсов для советской власти в годы Гражданской войны. В это время на подконтрольной большевикам территории наиболее тяжелым испытанием для крестьян стала продразверстка – вынужденная мера советской власти в условиях войны. Масштабы изъятий в ходе продразверстки не согласовывались с излишками хлеба в крестьянских хозяйствах, поэтому разверстка негативным образом повлияла на их состояние, способствовала упадку сельскохозяйственного производства. При этом происходило ухудшение продовольственного положения крестьянских семей. В годы Гражданской войны на подконтрольной большевикам территории в массовом порядке крестьяне привлекались к трудовой и гужевой повинностям. Крестьяне приняли самое непосредственное участие в Гражданской войне на стороне советской власти в качестве мобилизованных и добровольцев в Красную армию. Они составили основную массу ее военнослужащих. Отношение различных социальных групп крестьянства к защите советской власти в рядах Красной армии не было одинаковым. Наиболее активными ее сторонниками, особенно на первом этапе формирования Красной армии, выступали представители беднейшего крестьянства. Но их доля была незначительной в общей массе крестьян в составе Красной армии, оказавшихся там в ходе мобилизаций. На территории Советской России они создали и свой собственный «крестьянский фронт» против политики «военного коммунизма»: «Чапанная война», махновщина, антоновщина, «Вилочное восстание», Западно-Сибирское восстание и др. Несмотря на это, крестьяне обеспечили большевистский режим, промышленные центры и Красную армию продовольствием, сырьем, выполняли различные государственные повинности, воевали в рядах Красной армии на фронтах войны. Это позволило Советскому государству победить противостоявшие им в Гражданской войне политические режимы.

Ключевые слова: крестьянство, Гражданская война, «военный коммунизм», продразверстка, крестьянский протест.

Статья поступила в редакцию 16.04.2023 г.

Крестьянство в Гражданской войне – одна из наиболее актуальных и дискуссионных тем в российской и зарубежной историографии. В наибольшей степени изучено крестьянское повстанческое движение на подконтрольной большевикам территории против политики «военного коммунизма». Этот аспект получил отражение в документальных публикациях международного проекта Института российской истории РАН «Крестьянская революция в России», осуществленного под руководством В.П. Данилова¹, а также в трудах российских и зарубежных исследователей: А.В. Посадского, С.А. Есикова, В.И. Шишкина, Д.А. Сафонова, Т.В. Осиповой, С.В. Ярова, С.А. Павлюченкова, Ш. Фицпатрик, М. Френкина и др.² Всесторонний анализ крестьянских восстаний на подконтрольной большевикам территории позволил исследователям выдвинуть и обосновать тезис о крестьянском фронте как самостоятельном фронте в Гражданской войне³.

Достаточно глубоко и всесторонне исследовано состояние крестьянского хозяйства в условиях «военного коммунизма», аграрные преобразования советской власти в годы Гражданской войны, в том числе на региональном уровне⁴.

¹ Кондрашин В.В. В.П. Данилов – публикатор документов по аграрной истории России XX в. // Отечественные архивы. 2012. № 6.

² См. подробнее: Кондрашин В.В. Крестьянское повстанческое движение 1918–1922 гг.: итоги и направления исследования // Россия в годы Гражданской войны, 1917–1922 гг.: очерки истории и историографии. М.; СПб., 2018. С. 437–484.

³ См. напр.: Крестьянский фронт 1918–1922 гг: сб. ст. и мат-лов. М., 2013.

В последние десятилетия усилился интерес российских исследователей к изучению положения и поведения крестьянства на подконтрольной антибольшевистским режимам территории бывшей Российской империи. Появились документальные и монографические исследования, продолжившие традицию изучения этой темы в советской историографии⁵. Заслуживают внимания публикации об аграрной политике антибольшевистских правительств, крестьянском повстанческом и партизанском движении на Украине, в Сибири и других регионах страны⁶.

Несмотря на достигнутые успехи, нуждаются в дальнейшем изучении на новых достоверных источниках такие аспекты проблемы, как крестьянское хозяйство и крестьянские повинности на территории антибольшевистских правительств, крестьянское движение против политики этих правительств, крестьяне в антибольшевистских армиях, региональные особенности реализации аграрной политики на подконтрольной белым режимам территории, крестьянство и националистические режимы и др.

Добившись уравнительного распределения земли, к которому крестьянство России стремилось весь пореформенный период, в начавшейся Гражданской войне оно не смогло свободно хозяйствовать на ней, так как все противоборствующие политические силы смотрели на деревню как на источник ресурсов в виде продовольствия и сырья, а также живой силы для выполнения трудовых повинностей и участия в вооруженном противостоянии.

На подконтрольной большевикам территории наиболее тяжелым испытанием для крестьянских хозяйств стала продразверстка – вынужденная мера советской власти в условиях Гражданской войны. В условиях резкого сокращения товарного производства сложно было рассчитывать на наличие излишков в крестьянских хозяйствах, традиционно сокращавших даже внутреннее потребление в весенний период. Тем не менее 70 % хлеба и фуража, причитавшегося по разверстке, крестьянам предстояло сдать к 1 марта, а полностью выполнить разверстку к 15 июня 1919 г.⁷

В наибольшей степени тяжесть продразверстки испытали на себе крестьяне хлебопроизводящих губерний, территория которых оставалась под контролем советской власти на протяжении всей Гражданской войны. Это Казанская, Симбирская, Пензенская, Самарская, Саратовская, Тамбовская, Уфимская и другие губернии. Именно эти губернии дали советской власти хлеб и людские ресурсы для ведения Гражданской войны. К ним примыкали губернии Центральной России и ее севера, также ставшие основным источником ресурсов. Например, на Европейском Севере это были считавшиеся традиционно «хлебными»

⁴ История советского крестьянства: в 5 т. М., 1986. Т. 1. Крестьянство в первое десятилетие Советской власти. 1917–1927; *Кабанов В.В.* Крестьянское хозяйство в условиях «военного коммунизма». М., 1988; *Павлюченков С.А.* Военный коммунизм в России: власть и массы. М., 1997; *Кондрашин В.В.* Крестьянское движение в Поволжье в 1918–1920 гг. М., 2001; *Саблин В.А.* Аграрная революция на Европейском Севере России. 1917–1921 (Социальные и экономические результаты). Вологда, 2002; *Шекшеев А.П.* Власть и крестьянство: начало гражданской войны на Енисее (октябрь 1917 – конец 1918 гг.) Абакан, 2007; *Кондрашин В.В.* Крестьянское движение в России в годы гражданской войны: к вопросу об истоках сталинизма. М., 2009; *Николашин В.П.* Социализация земли и переустройство тамбовской деревни (1917–1918 гг.). Мичуринск, 2015; *Ченская Т.В.* Орловское крестьянство в годы гражданской войны (1918–1921 гг.) // XX век и Россия: общество, реформы, революции. 2017. № 5. С. 239–247; и др.

⁵ *Шафир Я.* Белогвардейцы и крестьянство. М.; Л., 1928; *Фоменко П.М.* Как воронежские рабочие и крестьяне боролись против Деникина. Воронеж, 1957; *Скорыходов В.П.* Из истории партизанской борьбы в Восточной Сибири. Иркутск, 1957; и др.

⁶ *Гордеев О.В.* Аграрная политика временных государственных образований Сибири в период гражданской войны (1918–1920 гг.). Красноярск, 2005; *Рынков В.М., Ильиных В.А.* Десятилетие потрясений: сельское хозяйство Сибири в 1914–1924 гг. Новосибирск, 2013; *Курьшев И.В.* Партизанщина («Жилиевщина») в Северном Казахстане в 1919 году // «Атаманщина» и «партизанщина» в Гражданской войне: идеология, военное участие, кадры: сборник статей и материалов. М., 2015. С. 804–815; *Земельные органы антибольшевистских правительств в Сибири (июнь 1918 – декабрь 1919 г.): сб. док-тов.* Новосибирск, 2017; *Маленьких М.А.* Крестьянство Иркутской губернии в условиях контрреволюционных режимов // Революционная Сибирь: истоки, процессы, наследие: сб. ст. Всерос. науч. конф. Сургут, 2017. С. 210–219; *Шекшеев А.П.* «Дубинная война» на юге Енисейской губернии // Военно-исторические исследования в Поволжье: сб. науч. тр. Саратов, 2017. Вып. 11. С. 88–110; и др.

⁷ Декреты Советской власти. М., 1968. Т. IV. С. 293.

Шенкурский уезд Архангельской губернии, Тотемский уезд Вологодской губернии, Никольский уезд Северо-Двинской губернии⁸. Положение и поведение крестьян на указанной территории наиболее полно характеризует особенности участия в Гражданской войне крестьянства остававшегося под властью большевиков. В Сибири, на юге России, Украине и на других территориях, временно контролируемых антибольшевистскими режимами, после их падения в деревне наблюдались примерно те же процессы, что и в вышеназванных губерниях (недовольство продразверсткой, различными повинностями, крестьянское повстанческое движение).

В условиях «военного коммунизма» с его продразверсткой крестьянское хозяйство оказалось в состоянии нарастающего кризиса сельскохозяйственного производства, упадка его основных отраслей, ухудшения продовольственного обеспечения крестьянских семей. В информационном бюллетене Политического управления РСФСР за 20 июня – 1 июля 1919 г. о положении в Саратовской губернии при описании крестьянских настроений отмечалось: «Не хотят сеять, говоря, что все равно отнимут, так что посевная площадь сократилась в несколько десятков раз»⁹. Урожай уже первого продразверсточного года не покрыл всех потребностей села, что поставило под угрозу не только доставку хлеба на сыпные пункты, но и продовольственную безопасность самих производителей сельхозпродукции. В частности, согласно подсчетам продовольственной комиссии в с. Савельевка Бузулукского уезда Самарской губернии, урожай 1919 г. в хозяйствах села составил: пшеницы – 17 015 пудов, а ржи – 3 640 пудов, в то время как для обеспечения граждан села при расчете 1 пуда хлеба на человека в предстоящем году потребовалось бы 14 304 пуда, на обсеменение площади посева под урожай 1920 г. еще 7 674 пуда, не говоря уже о кормовых запасах¹⁰. В подобных условиях население оставалось безучастным к митинговой агитации и призывам усилить привоз хлеба.

Масштабы продовольственных изъятий явно не согласовывались с наличными запасами хлеба у крестьян. В частности, в Самарской губернии, как следует из доклада губернского комиссара по продовольствию К.Г. Мяскова от 22 сентября 1919 г., в текущем году губпродком предполагал изъять по губернии излишки хлеба в 18 млн пудов в дополнение к еще не изъятым излишкам 1918 г., итого 28 млн пудов. Однако Наркомпрод неожиданно выдвинул новые требования: самарскому крестьянству был выставлен счет в 46 млн пудов, что привело к складыванию взрывоопасной ситуации в уездах. В 1918 г. твердые цены были выше рыночных и хоть как-то удовлетворяли крестьянство, в дополнение к этому Волжский мост был поврежден и не ощущалось большого наплыва мешочников, а крестьянство еще верило в государственный товарообмен, поэтому изъятие хлебных излишков проходило без явно выраженного сопротивления¹¹. В 1919 г. себестоимость хлеба оказалась выше установленных государством цен. К тому же «небывалый наплыв мешочников из Москвы, покупка ими хлеба по спекулятивным ценам, применяемый ими индивидуальный товарообмен довели вольную цену до 500 руб. за пуд»¹². В этих условиях подвоз хлеба резко сократился. Ввиду непосильности для крестьян размеров натурального обложения и скрытого сопротивления проводимой разверстке хозяйственные итоги 1919 г. оказались в регионе малоутешительными. В частности, на 31 декабря на сыпных пунктах Самарской губернии имелось в наличии 5 036 953 пуда хлебных продуктов, что было в 9 раз меньше определенной центром разверстки¹³.

О методах и последствиях выкачки продовольствия из советской деревни в годы Гражданской войны говорилось в информационном листке Наркомзема от 21 марта 1919 г.: «Во

⁸ *Саблин В.А.* Хроника отчаяния и борьбы (Вологодская деревня в годы гражданской войны) // Вологда. Историко-краеведческий альманах. 1994. Вып. 1. С. 187–188.

⁹ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 33987. Оп. 1. Д. 211. Л. 155 об.

¹⁰ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1252. Оп. 1. Д. 48. Л. 78–78 об.

¹¹ Там же. Л. 104–105. Из урожая 1918 г. только одна Самарская губерния дала государству одну пятую часть всего добытого в заготовительную кампанию хлеба. См.: *Кабанов В.В.* Крестьянское хозяйство в условиях... С. 181.

¹² ГАРФ. Ф. 1252. Оп. 1. Д. 48. Л. 105.

¹³ Самарская область. Самара, 2001. С. 163.

многих волостях Орловской губернии исполкомы, исполняя наряды на скот, отбирают у крестьян тельных коров, вызывая недовольство крестьян. Молочный скот реквизируется, не считаясь с семейным положением. Ведется беспощадное истребление молодняка. Режут месячных телят»¹⁴. В политических сводках, подготовленных волисполкомами Бугурус-ланского уезда Самарской губернии в сентябре-ноябре 1919 г., тотальным признаком крестьянской рефлексии являлся «ропот на недостаток соли, керосина, спичек, сельскохозяйственного инвентаря», мануфактуры и пр.¹⁵ Особенно остро крестьяне реагировали на отсутствие в продаже соли, что выражалось в готовности привоза хлеба на сыпные пункты даже на условиях явно неэквивалентного обмена¹⁶.

Восприятие крестьянством хлебобродных советских губерний реалий Гражданской войны наиболее точно передают программные документы участников восстаний против политики «военного коммунизма». Характерным в этом плане является наказ граждан Нижне-Санчелевской волости Ставропольского уезда Самарской губернии от 8 марта 1919 г. делегату Я.И. Никишину, «назначенному для мирных переговоров» с карательным отрядом. В требованиях крестьян констатировался факт произвола местных властей и говорилось о желаемых формах диалога с государством:

«1) Мы, крестьяне Нижне-Санчелевской волости, вынуждены были восстать не против Советской власти, но против коммунистических банд с грязным прошлым и настоящим, которые вместо истинных проповедей грабили и разоряли крестьянское население, ставили диктатуру и не входили в положение трудового крестьянства.

2) Мы, крестьяне, видя несправедливое действие коммунистов в том, что во все организации, как в советы, ставили кооптированных приспешников, не считаясь с мнением крестьян, и это им нужно для того, чтобы узнавать у крестьян, где имеются все существенные предметы, которые они через своих приспешников конфисковали и набивали свои карманы, превращая в свою собственность.

3) И если только не отберут право от коммунистов и не представят в распоряжение трудового крестьянства, то мы, крестьяне, вынуждены проводить борьбу до последней капли крови.

4) Мы, крестьяне, требуем крестьянского самоуправления, как-то: участвовать в выборах и быть выбранными как в сельские, волостные, уездные, губернские и т.д. советы из крестьянского населения, но не только из одних рабочих и коммунистов.

5) Мы, крестьяне, посылаем несколько протестов против коммунистов, которые делали всевозможные пакости, но на наши протесты нам грозили арестом и расстрелом, не считаясь с выборными советами, так что наши советы находились под каблуком коммунистов»¹⁷.

Как можно заметить, в наказе просматривается антигородская и антикоммунистическая (в смысле – «против начальства») основа протестных настроений. В нем зафиксированы не только объективированные претензии к власти, но и представление об идеальном (в крестьянском понимании) варианте взаимодействия крестьянства с советской властью: «требуем крестьянского самоуправления».

Крестьянский протест, спровоцированный административным произволом и продовольственной диктатурой, с лета 1918 г. охватывал весь спектр форм обыденного сопротивления (утаивание хлеба, ограничение его производства нормами внутреннего потребления, саботаж требований властей, проведение уездных и губернских крестьянских съездов, обращения к власти с жалобами и претензиями и пр.), а в исключительных случаях приводил к вооруженным выступлениям (в форме покушений на убийство и убийств представителей власти, восстаний, мятежей, рейдовой войны повстанческих отрядов), сопровождавшимся многочисленными жертвами с той и с другой стороны¹⁸. Подобная ситуация была характерна для всех регионов страны, находившейся под властью большевиков. При этом в столичных

¹⁴ Цит. по: Кабанов В.В. Крестьянское хозяйство в условиях... С. 189.

¹⁵ Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. Р-193. Оп. 2. Д. 151. Л. 45–73.

¹⁶ Там же. Д. 191. Л. 25.

¹⁷ Цит. по: Крестьянское движение в Поволжье. 1919–1922 гг.: док-ты и мат-лы. М., 2002. С. 99.

¹⁸ Кондрашин В.В. Крестьянство России в Гражданской войне... С. 234–243.

губерниях и близлежащих к ним местностях масштаб крестьянского протеста был значительно ниже, чем в основных хлеборобных и более отдаленных губерниях. Объяснялось это сосредоточением в них значительных отрядов ЧОН, ВЧК и Красной армии, способных оперативно подавить любые проявления этого протеста.

Увеличение масштабов и интенсивности изъятий продовольствия в 1920 г. имело своим непосредственным результатом формирование ответной волны крестьянского недовольства, граничившего с проявлениями социальной агрессии.

В годы Гражданской войны на подконтрольной большевикам территории страны массовый характер носило привлечение крестьян на различные виды работ по трудовым мобилизациям. Основными из них были трудовая и гужевая повинности. Всеобщая трудовая повинность для крестьян была введена декретом СНК от 5 октября 1918 г.¹⁹ Трудовая повинность распространялась и на привлечение крестьян к обмолоту и сдаче хлебов в счет продразверстки²⁰. Гужевая повинность для доставки военных, топливных, продовольственных и других государственных грузов в города, а также подвоза их к железным дорогам, пристаням и другим приемным пунктам была учреждена декретом СНК от 18 августа 1918 г.²¹ К ней привлекались хозяйства, имевшие лошадей, крестьяне в возрасте от 35 до 50 лет и крестьянки от 18 до 40 лет²². Особенно массовым было привлечение к гужевой и трудовой повинности крестьян северных губерний. Там на заготовке дров в лесу работали десятки тысяч крестьян со своими лошадьми²³. Насколько велика и трудна для крестьянских хозяйств была гужевая повинность, свидетельствует тот факт, что в Екатеринбургской, Тюменской, Челябинской, Уфимской и Пермской губерниях ежедневно для вывозки дров и угля требовалось 256 тыс. подвод²⁴. Гужевая повинность применялась и для выполнения продразверстки (доставки на сыпные пункты хлеба и фуража).

В 1919 г. крестьянство прифронтовых губерний (Воронежской, Тамбовской, Саратовской, Тульской и др.) в массовом порядке было мобилизовано на строительство военных рубежей в связи с наступлением А.И. Деникина. 10 тыс. подвод крестьян Вологодской губернии было мобилизовано за 5 дней в период подготовки к наступлению частей Красной армии на Архангельск в начале 1920 г.²⁵ Столько же подвод для эвакуации хлебных излишков и имущества должны были предоставить крестьяне Мамадышского уезда Казанской губернии во время наступления А.В. Колчака²⁶. В годы Гражданской войны в крестьянских хозяйствах в массовом порядке проводились изъятия лошадей и обозного инвентаря для нужд армии. Только за 1918–1919 гг. было изъято 441 тыс. лошадей, большое количество повозок, саней, комплектов упряжи²⁷.

Крестьянство массово привлекалось к различным видам работ по оказанию помощи железнодорожному транспорту, особенно к расчистке снежных заносов путей и станций. Постановление Совета обороны от 25 декабря 1918 г. «О борьбе со снежными заносами» наделило сельские, волостные и уездные советы полномочиями прибегать к военной силе для мобилизации крестьян²⁸. Зимой и весной 1919 г. сотни тысяч крестьян были задействованы в очистке путей. В феврале–марте 1920 г. на основании постановлений Совета обороны от 29 ноября 1919 г. и 2 февраля 1920 г.²⁹ в 13 губерниях Центральной России к снегоочистке железных дорог было привлечено 196 тыс. крестьян на 40 тыс. подводах³⁰.

¹⁹ Декреты Советской власти. М., 1964. Т. III. С. 295.

²⁰ СУ. 1920. № 66. Ст. 298.

²¹ Декреты Советской власти. М., 1973. Т. VI. С. 49.

²² Там же. С. 284.

²³ Саблин В.А. Хроника отчаяния и борьбы... С. 96.

²⁴ История советского крестьянства... Т. 1. С. 127.

²⁵ Из истории гражданской войны в СССР: сб. док-тов и мат-лов. М., 1961. Т. 3. С. 194.

²⁶ Большевики Татарии в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны, август 1918 – декабрь 1920: сб. документов и материалов. Казань, 1961. С. 208.

²⁷ Война и революция. 1925. № 1. С. 116–117.

²⁸ Декреты Советской власти... Т. IV. С. 256–257.

²⁹ Там же. Т. VI. С. 324–325.

³⁰ История советского крестьянства... Т. 1. С. 126.

Еще одним видом гужевой и трудовой повинностей крестьян было участие в заготовках и перевозках дров. Только весной 1919 г. на лесозаготовках работало более 250 тыс. крестьян³¹. Для подвоза дров к железным дорогам, пристаням, фабрикам и заводам было привлечено до 90 % всего гужевого транспорта³². В 1918/1919 гг. с решающим участием крестьянства было заготовлено 4,2 млн куб. сажень дров, в 1919/1920 гг. – 9,4 млн. Из них вывезено было 7,1 млн куб. сажень³³. Всего за первую половину 1920 г. в работе по топливно-гужевой повинности было задействовано около 6 млн чел. и 5 млн подвод³⁴. В 1920/1921 гг. в среднем на каждое крестьянское хозяйство европейской части России пришлось по 40–50 дней работы с лошадей и по 30–40 дней без лошади, но там, где осуществлялись массовые лесозаготовки или перевозки военных и продовольственных грузов, число дней трудовой и гужевой повинностей возрастало до 100 и больше дней для конного и пешего работников³⁵.

Крестьяне приняли самое непосредственное участие и в боевых действиях в качестве мобилизованных и добровольцев в Красную армию. Кроме того, на территории Советской России они создали и свой собственный «крестьянский фронт» против политики «военного коммунизма»: «Чапанная война», махновщина, антоновщина, «Вилочное восстание», Западно-Сибирское восстание и др. Масштабы этого «фронта» определялись региональными особенностями. Так, на севере, где неземледельческие губернии жили за счет привозного и покупного хлеба, было невозможно содержать за счет крестьянских хозяйств большие отряды повстанцев. Тем не менее и там были крупные крестьянские выступления на почве недовольства продразверсткой: «Вельское восстание» – крестьянские волнения в 17 волостях Вельского уезда Вологодской губернии 14–22 марта 1921 г. и др.³⁶

Крестьянство составило основную массу военнослужащих Красной армии. По советскому законодательству 1918 г. комплектование РККА на добровольной основе, а затем путем введения всеобщей воинской повинности касалось рабочих и крестьян, не эксплуатирующих чужой труд, в возрасте от 18 до 40 лет³⁷. В 1918 г. был проведен призыв крестьян семи возрастов, по которому из состоявших на учете 1 млн 912 тыс. чел. рядового состава явились на сборные пункты 1 млн 725 тыс. чел. (более 90 %)³⁸. Мобилизация крестьян в Красную армию привела к изменению ее социального состава. Если к началу чехословацкого мятежа она состояла в основном из рабочих-добровольцев, то к концу 1918 г. 83,4 % красноармейцев были из числа мобилизованных в подавляющей своей массе крестьян, т.е. Красная армия стала преимущественно крестьянской³⁹.

Для отражения наступления А.В. Колчака в первой половине 1919 г. в Красную армию были призваны крестьяне 14 возрастов (более 523 тыс. чел.), в том числе участники Первой мировой войны, имевшие военный опыт⁴⁰. Затем мобилизация продолжилась в связи с возникновением деникинского фронта, и в Красную армию было мобилизовано 1 300 тыс. чел., в том числе около 1 млн крестьян⁴¹.

В 1920 г. в связи с польско-советской войной для пополнения Красной армии был проведен призыв крестьянской молодежи 1901 года рождения, который дал фронту 335 тыс. бойцов. К концу Гражданской войны, на 1 ноября 1920 г., общая численность Красной армии составила 5 млн 317 тыс. чел. По своему социальному происхождению более 4 млн красно-

³¹ История советского крестьянства... Т. 1. С. 128.

³² Краткий очерк продовольственного транспорта, 1918–1920. М., 1920. С. 19.

³³ История советского крестьянства... Т. 1. С. 128.

³⁴ Аникст А. Организация рабочей силы в 1920 г. М., 1921. С. 59.

³⁵ История советского крестьянства... Т. 1. С. 129.

³⁶ Трошина Т.И. Вельское восстание // Крестьянский фронт 1918–1922 гг.: сборник статей и материалов. М., 2013. С. 211–222.

³⁷ Декреты Советской власти. М., 1957. Т. I. С. 352–357; Т. II. С. 63–84, 151–153, 334–335.

³⁸ Оликов С. Дезертирство в Красной Армии и борьба с ним. М., 1926. С. 32.

³⁹ Кляцкин С.М. На защите Октября, 1917–1920. М., 1965. С. 233.

⁴⁰ Декреты Советской власти. М., 1971. Т. V. С. 63–65, 107–108.

⁴¹ История советского крестьянства... Т. 1. С. 140.

армейцев являлись крестьянами⁴². В социальной структуре армии они составляли 77 %⁴³. При этом в командном составе Красной армии выходцы из крестьян составляли почти две трети. Среди них оказались и видные военачальники: И.Р. Апанасенко, С.М. Буденный, Б.И. Думенко, И.А. Кочубей, И.С. Кутяков, С.К. Тимошенко, В.И. Чапаев и др.

Отношение различных социальных групп крестьянства к защите советской власти в рядах Красной армии было неодинаковым. Наиболее активными ее сторонниками выступали представители беднейшего крестьянства. Таковыми они считались и большевиками в соответствии с их классовым подходом к крестьянству. Летом 1918 г. в связи с мятежом чехословаков в ряде губерний Советской России на добровольческой основе были сформированы отряды Красной армии из числа бедняков и сельских коммунистов, как правило, солдат-фронтовиков. Среди них – Невельский отряд им. Ленина, 2-я бригада Западной стрелковой дивизии, 3-й Седлецкий и 4-й Варшавский полки и ряд других частей. Боевой отряд сформировали крестьяне Вилейской волости Псковской губернии и др.⁴⁴

Осенью 1918 г. по инициативе комбедов Северной области, поддержанной VI Всероссийским чрезвычайным съездом Советов, на подконтрольной большевикам территории страны началось формирование специальных «образцовых полков деревенской бедноты». Три таких полка были образованы в Петрограде, главным образом из крестьян-добровольцев Петроградской, Вологодской, Череповецкой и Северо-Двинской губерний. Три батальона бедноты сформировал Новгородский губвоенкомат⁴⁵. В ноябре 1918 г. из бедноты был создан 1-й Московский революционный полк, два таких полка комплектовались в Орле, по одному – в Витебской, Могилевской, Смоленской губерниях. В начале 1919 г. в г. Урде формировался 1-й Советский Образцовый киргизский полк, а в Астрахани – 1-й Образцовый революционный калмыцкий полк. Тогда же в Приволжском военном округе стала комплектоваться стрелковая «Бригада бедноты». Ряд «комбедовских формирований» проявил стойкость и героизм на фронтах Гражданской войны. На Восточном фронте осенью 1918 г. в числе особо отличившихся был 1-й Крестьянский полк 29-й дивизии 3-й армии, сформированный в основном из крестьян Пермской и Вятской губерний и рабочих-речников⁴⁶. Весной 1919 г. с лучшей стороны проявил себя Казанский полк бедноты⁴⁷.

Организация полков, батальонов и рот бедноты продолжалась до апреля 1919 г., их общая численность достигла 40 тыс. чел.⁴⁸ Именно столько крестьян добровольно ушло защищать советскую власть в годы Гражданской войны из губерний, контролируемых большевиками. Данный факт свидетельствовал о том, что основная масса крестьян призывного возраста, в том числе из бедноты, не пошла добровольцами в Красную армию. Подтверждением этому являются итоги выполнения декрета ВЦИК, СНК и Совета Обороны от 25 апреля 1919 г. «О призыве среднего и беднейшего крестьянства к борьбе с контрреволюцией». Каждая волость должна была выделить 10–20 добровольцев. Вместо 140 тыс. человек деревня выдвинула лишь 24 661 добровольца⁴⁹. Во многом такой результат объяснялся тем, что мобилизация совпала с разгаром весенних полевых работ, во время которых на вес золота в крестьянском хозяйстве была каждая пара рабочих рук, особенно мужских, в том числе для беднейших семей. Но все же главная причина была в нежелании основной массы крестьян покидать свои хозяйства и участвовать в войне, а также в малочисленности среди крестьян приверженцев большевистской партии. В результате с весны 1919 г., когда Гражданская война потребовала значительного увеличения численности Красной армии и

⁴² Директивы командования фронтов Красной армии. М., 1978. Т. IV. С. 227.

⁴³ История советского крестьянства... Т. 1. С. 140.

⁴⁴ Андреев В.М. Под знаменем пролетариата. М., 1981. С. 148–149, 151.

⁴⁵ Путьский Е.П. Военные комиссариаты Петроградского военного округа и их роль в строительстве Красной армии в 1918 г. // Исторические записки. 1957. Т. 61. С. 306.

⁴⁶ История советского крестьянства... Т. 1. С. 142.

⁴⁷ Андреев В.М. Под знаменем пролетариата... С. 159.

⁴⁸ Там же. С. 158–161.

⁴⁹ Декреты Советской власти... Т. V. С. 107–108; Директивы командования фронтов Красной Армии... Т. IV. С. 274.

добиться этого только за счет беднейшего крестьянства было уже невозможно, полки и роты, состоящие исключительно из деревенской бедноты, были признаны нецелесообразными и сливались с обычными красноармейскими частями⁵⁰.

Введение всеобщей воинской повинности вызвало в советской деревне сопротивление значительной части мужчин призывного возраста в формах уклонения от призыва, воинской службы, бегства из расположения частей и пр. Феномен дезертирства, возрожденный из практик военной повседневности времен Первой мировой войны и усилившийся по мере обострения продовольственного кризиса, роста повинностей и репрессивных практик чрезвычайных структур советской власти, вскоре превратился в самостоятельный фактор политической динамики. Тиражирование подобных видов воинских преступлений, масштабы дезертирства превращали аномалию в норму, способствовали росту произвола и насилия, дальнейшей криминализации общества. Например, в 1919 г. число уклонившихся от призыва и дезертировавших из своих частей составило 75 % от общего числа призывников⁵¹. Масштабы дезертирства в годы Гражданской войны из Красной армии, на 80 % состоявшей из крестьян, по оценкам исследователей были весьма значительны – от 2 до 3 млн 710 тыс. чел.⁵²

В контексте культуры повседневности можно интерпретировать данный феномен как определенную социальную практику, направленную на реализацию задач, с одной стороны, адаптации к экстремальным условиям бытия, а с другой – формирования новой идентичности, новых отношений, прежде всего в сфере социально-политического взаимодействия, воплощения истинной крестьянской правды⁵³. В современной историографии не утратили своей актуальности формулировки мотивации дезертиров, выявленные еще С. Оликовым («утомленность войной», потребности семьи и хозяйства, за пределами критические условия обеспечения красноармейцев)⁵⁴. Культурно-антропологический контекст дополняется переживанием ситуации «без государства», поиском и конструированием новой политической идентичности. В пользу обыденного характера реакций крестьянской психологии говорят и эмоционально окрашенные образы, созданные современниками. С. Оликов пишет о так называемой «циркуляции дезертиров»: «дезертиров ловили и отправляли на фронт, а они снова убегали и тащили за собой новых»⁵⁵.

Первый объявленный ВЦИК набор в Красную армию в зоне борьбы с чехословаками дал всего 54 тыс. чел. вместо ожидаемых 275 тыс. новобранцев. Попытки проведения последующих мобилизаций летом 1918 г. вылились в серию массовых протестов и восстаний среди крестьянства, вплоть до захвата власти в отдельных городах (как это было, скажем, в Тамбове и в Шенкурске Архангельской губернии)⁵⁶. Рост масштабов сопротивления военным мобилизациям вызвал создание в декабре 1918 г. специальных органов чрезвычайного управления – дезерткомов (Центральной и губернских комиссий по борьбе с дезертирством).

Массовый характер дезертирство приобретает сразу же после введения всеобщей воинской повинности в мае 1918 г. (декрет СНК «О принудительном наборе в Рабоче-крестьянскую Красную Армию» от 29 мая 1918 г.)⁵⁷. И именно масштабы явления создают прецедент градации дезертиров на «злостных» (к ним относились дезертиры, «умышленно отклоняющиеся от военной службы навсегда или временно, умышленно отстающие от маршевых рот, бежавшие с фронта и задержанные при облавах») и «по слабости воли»

⁵⁰ Васильев М.В. Полки деревенской бедноты в Псковской губернии // XI Машеровские чтения: материалы междунар. науч.-практ. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых (Витебск, 18 октября 2017 г.). Витебск, 2017. С. 111.

⁵¹ Мовчин Н. Комплектование Красной Армии. Л., 1926. С. 101.

⁵² Голдин В.И. Россия в Гражданской войне. Очерки новейшей историографии (вторая половина 1980-х – 90-е годы). Архангельск, 2000. С. 79.

⁵³ Там же. С. 64.

⁵⁴ Оликов С. Дезертирство в Красной Армии... С. 20.

⁵⁵ Там же. С. 19.

⁵⁶ Голдин В.И. Россия в Гражданской войне... С. 76.

⁵⁷ СУ РСФСР. 1918. № 41. Ст. 518.

(самовольно покинувшие ряды Красной армии и добровольно явившиеся)⁵⁸. Для борьбы с дезертирством власти активно использовали такой вид наказания, как полная или частичная конфискация наделной земли и имущества семей дезертиров и передача их «во временное пользование семьям красноармейцев»⁵⁹. В то же время добровольно явившиеся дезертиры, как правило, освобождались от уголовной ответственности. Так, например, к 26 июля 1919 г. по 7 военным округам добровольно явилось и было задержано 380,5 тыс. дезертиров из Красной армии⁶⁰. По существующим данным, с начала 1919 по ноябрь 1920 г. было выявлено и возвращено на службу 2 846 тыс. дезертиров, в том числе 1 543 тыс. явились добровольно, а 837 тыс. были задержаны при облавах⁶¹.

Оставляя воинские части ради поправки расстроенного хозяйства, крестьяне исподволь вынуждали власти активизировать деятельность по оказанию помощи семьям красноармейцев. Так, 14 августа 1919 г. пензенская губкомиссия Помсемкрасноармейцев отчиталась перед губернской комиссией по борьбе с дезертирством о засевах полей нуждавшимся семьям: в Городищенском уезде – 871 хозяйство (1 050 дес.), в Пензенском уезде – 657 хозяйств (2 085 дес., выдано семян овса – 3 364 пуда). Как следует из оперативных сводок пензенской комиссии по борьбе с дезертирством, оборотной стороной «облава» в обязательном порядке выступала забота о семьях красноармейцев: «Цель отрядов – выкачивание дезертиров и обследование полей семей красноармейцев»⁶².

Информационные сводки ВЧК, в большинстве своем содержащие достоверную информацию о настроениях крестьян в годы Гражданской войны, фиксируют изменение отношения крестьян к дезертирству и советской власти по мере нарастания угрозы реставрации старых порядков со стороны белого движения. Так, органами ВЧК сообщалось, что в Воронежской губернии «близость фронта и ужас деникинщины пробудили в крестьянах сознание защищать советскую власть»⁶³. В Орловской области произошел резкий перелом настроений крестьянских масс в сторону советской власти в связи с приближением Деникина, «что усилило добровольную явку дезертиров»⁶⁴. Аналогичной была ситуация в Пензенской губернии, где в связи с приближением белых настроение населения во всех уездах губернии резко изменилось в пользу советской власти⁶⁵. Все указанные губернии – это эпицентры бывшего помещичьего землевладения, где в результате революции крестьяне осуществили «черный передел» частновладельческих земель и поэтому вполне осознавали угрозу, которую несли ему белые армии. Именно они дали Красной армии большинство мобилизованных крестьян.

Несколько иной была ситуация в районах со смешанным населением казаков и крестьян, прежде всего на землях казачьих войск. Там большинство казаков и зажиточных крестьян, в том числе дезертиры из Красной армии («зеленые»), с нетерпением ожидали прихода белых, пытались устанавливать с ними связь и даже поднимать восстания в прифронтовой полосе. Объяснялось это ненавистью к политике «военного коммунизма», разорявшей в первую очередь хозяйства зажиточных казаков и крестьян, а также реакцией населения конкретных селений и станиц на насильственные действия продотрядов, ЧК и отрядов по борьбе с дезертирством. Например, на Дону к началу Гражданской войны в казачьей среде выделились полярные социальные группы со своими интересами. Это обстоятельство предопределило известное разделение донского казачества и крестьянства в годы вооруженного противостояния, когда большинство казаков в 1918–1919 гг. сражались на стороне белого движения, а крестьяне массово поддерживали большевиков и пошли в Красную

⁵⁸ Оликов С. Дезертирство в Красной Армии... Л. 239.

⁵⁹ Декреты Советской власти... Т. V. С. 265.

⁶⁰ РГВА. Ф. 11. Оп. 8. Д. 182. Л. 109.

⁶¹ Гриф секретности снят. Потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. Статистическое исследование. М., 1993. С. 39.

⁶² Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. П-36. Оп. 1. Д. 86. Л. 237; Д. 157. Л. 1.

⁶³ Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. М., 1998. Т. 1. С. 185.

⁶⁴ Там же. С. 163.

⁶⁵ Там же. С. 194.

армию. Достаточно указать создателей краснопартизанских отрядов крестьян Б.М. Думенко, С.М. Буденного, Г.С. Маслакова, Г.Г. Колпакова. Эти отряды составили костяк 4-й кавалерийской дивизии, которая вместе со сформированной из ставропольских крестьян 6-й кавалерийской дивизией стала основой для создания в ноябре 1919 г. 1-й Конной армии. Тем самым социальная принадлежность во многом предопределяла выбор казаками и крестьянами противоборствующих лагерей⁶⁶.

В целом в годы Гражданской войны, как и прежде, приоритеты хозяйствования на земле являлись наиболее значимыми для крестьянства и ослабляли страхи перед репрессиями. Дезертирство стало одним из базовых элементов крестьянской повседневности, способом выживания крестьянских хозяйств в экстремальных условиях Гражданской войны.

По мере устранения угрозы реставрации старых порядков и возвращения помещиков крестьянское сопротивление все более приобретало характер войны – войны деревни, защищавшей общинные порядки и свои хозяйственные интересы, и города, государства, пытавшегося оптимизировать скудные продовольственные ресурсы. Наивысшего накала противостояние достигает в 1920–1921 гг. в условиях обострения продовольственной ситуации и появления первых признаков надвигающегося голода. Изъятие продовольствия, рост иных повинностей военно-мобилизационного характера постепенно приобретали характер тотальной угрозы жизнеобеспечения крестьянского хозяйства.

Слухи экономического характера отражали, главным образом, неудовлетворенный социальный интерес сельского населения в продовольствии: «о невыдаче с декабря вовсе продовольственного пайка, и тогда начнутся погромы на евреев и т.д., они распоряжаются и отбирают хлеб и куда-то увозят, а Красная армия голодает» (Самарская губерния, октябрь 1920 г.); «сильно фигурируют слухи, распускаемые даже членами волисполкомов, о голоде, что хлеб сгнил в элеваторах, а голодным его не дают, и это делается нарочно»; «как будто бы на крестьян наложена разверстка по 2 фунта тараканов с души, и кто ее не выполнит, с того будут брать хлебом» (Пензенская губерния, ноябрь 1920 г.)⁶⁷.

Таким образом, первые признаки надвигающейся катастрофы, спровоцированной политикой «военного коммунизма», были замечены уже в конце 1920 г. Непосредственным результатом политических практик стало истощение демографических и экономических ресурсов деревни (мобилизация трудоспособного мужского населения, увеличение норм продразверстки, сокращение посевных площадей, рабочего скота, рост изношенности сельскохозяйственной техники и пр.). В условиях жесткого ограничения хлебного рынка и измельчания крестьянских хозяйств в ходе осуществления социализации земли справиться с засухой деревня не смогла. Почти полное отсутствие осадков осенью 1920 – весной 1921 г. вызвало гибель посевов и травяного покрова и привело к голоду, поразившему хлеботорные губернии центра России. Пик голодовки пришелся на осень 1921 – весну 1922 г. В некоторых районах кризисная ситуация сохранялась до лета 1923 г. География голода охватила Поволжье, юг Украины и Крым, Урал, Башкирию, среднее течение Дона, часть Западной Сибири, территорию в общей сложности 35 губерний с населением до 40 млн чел.⁶⁸

Голод послужил катализатором роста экстремальных состояний человеческой психики, был достигнут предел адаптационных возможностей. Теперь социальный интерес, «нужда» сфокусировались исключительно на поиске продовольствия. Особенно тревожной была продовольственная ситуация в Самарской губернии, где валовой сбор зерна составил в 1920 г. всего лишь 17,1 млн пудов, или 40,7 % от уровня отнюдь не благоприятного в этом отношении 1917 г., а в следующем году валовые сборы зерновых упали еще ниже – до отметки в 11,4 млн пудов⁶⁹. К концу лета 1921 г. численность голодающих в губернии достигла 2 млн 600 тыс. чел. Голодали 93,7 % населения⁷⁰. Общность переживаний сплачивала, объединяла крестьян в «голодные толпы», целыми деревнями покидавшие места

⁶⁶ Народные вожаки 1918–1922 гг.: проблемы изучения и понимания. Материалы заочного круглого стола // КЛИО. 2016. № 4. С. 191.

⁶⁷ Крестьянское движение в Поволжье... С. 604.

⁶⁸ Жиромская В.Б. Основные тенденции демографического развития России в XX веке. М., 2012. С. 41.

⁶⁹ Кондрашин В.В. Крестьянство России в Гражданской войне... С. 454.

своего обитания, обступавшие «уисполкомы, ссыпункты, мельницы» в поисках хоть какого-нибудь продовольствия. Невыдача пропусков на поездки не могла остановить поток голодной стихии, передвигавшейся гужом и уничтожавшей на своем пути посевы, покосы, леса⁷¹. Смертность в районах голодания увеличилась в 5 раз, в Самарской губернии и ТАССР – в 6 раз. В целом по стране, по разным данным, от голода погибло не менее 5 млн чел.⁷²

Несмотря на проведение очередной мобилизационной кампании и создание чрезвычайных структур (Помгол⁷³), избежать кризиса смертности не удалось. Средств, собранных для закупки продовольствия, оказалось недостаточно. О фактическом бессилии местных властей, о полнейшей дезорганизации управления на низовом уровне свидетельствуют неоднократные попытки обращения во ВЦИК с просьбой о предоставлении продовольственной и финансовой помощи. В частности, в телеграмме Балаковского уисполкома сообщалось: «волсоветы ежедневно напоминают о невозможности продолжать работать на местах в силу натиска голодающих». Органы местной власти теряли «вес и авторитет перед населением в силу своей беспомощности»⁷⁴. Бюллетень губисполкома Симбирской губернии за 20–21 марта 1921 г. дает следующую характеристику массовых настроений: «по всей губернии наблюдается сходбище крестьян, начиная преимущественно женщинами, к ним примыкают мужчины, подходят толпами к сельсоветам с просьбой хлеба, покушаются на государственные ссыпные пункты разграблением, где вооруженными силами задерживаются от разграбления, есть случаи по губернии взламывания замков под государственным ссыпунктом и воровство хлеба»⁷⁵. Во многих волостях Симбирской губернии, где, по некоторым данным, голодало до 3/4 всего населения, сельские и волостные сходы принимали постановления о распределении хлеба из общественных амбаров, о запрете на вывоз хлеба из волости, о снятии охраны у государственного хранилища и избрании своего «ключника». Имеются сведения о создании крестьянских органов власти, действующих параллельно с Советами⁷⁶.

Зимой 1921 г., как следовало из доклада о состоянии партийной работы в Пензенской губернии, крестьяне «осаждали» Советы «с просьбой ехать за хлебом»; «были случаи разгрома элеваторов с остатками хлеба..., были случаи голодной смерти»; отмечалась «сильная тяга крестьян в Сибирь на подводах»⁷⁷. Самоликвидация крестьянских семей и стихийная миграция населения, спровоцированная голодом, становились привычной картиной повседневности.

Следует отметить, что миграционная активность сельского населения европейской части России, спровоцированная нехваткой продовольствия, сохранялась на высоком уровне на протяжении всего рассматриваемого периода. В 1918 г. в Сибирь прибыло 183,7 тыс. зарегистрированных переселенцев, большинство из которых оставались земельно неустроенными, не закрепленными за определенными земельными обществами, что усиливало социальную напряженность и недовольство чужаками, покушавшимися на захваты казенной, частновладельческой и надельной земли в сибирской деревне⁷⁸.

Особенно массовым стихийное переселенческое движение в Сибирь и юго-восточные губернии становится в 1920 г., что зафиксировано в попытках властей регламентировать, а по большому счету остановить этот процесс. Так, по данным И.Б. Беловой, с начала июля 1920 г. губисполкомам Тулы, Рязани, Воронежа и Калуги было предписано организовать перевозку ходочков (до 1,5 тыс. на каждую губернию), направлявшихся в Алтайскую,

⁷⁰ Репинецкий А.И. Практики выживания населения Поволжья в условиях голода 1921–1922 гг. // Природно-географические факторы в повседневной жизни населения России: история и современность: мат-лы междунар. науч. конф. СПб., 2019. С. 250.

⁷¹ ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 96. Д. 526. Л. 9; Д. 525. Л. 16.

⁷² Жиромская В.Б. Основные тенденции демографического... С. 43.

⁷³ Помгол – Центральная комиссия помощи голодающим при ВЦИК, создана в июле 1921 г.

⁷⁴ ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 96. Д. 525. Л. 17.

⁷⁵ Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф. 200. Оп. 4с. Д. 19. Л. 279.

⁷⁶ ГАРФ. Ф. А-2313. Оп. 2. Д. 107; ГАУО. Ф. Р-200. Оп. 4с. Д. 19.

⁷⁷ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 13. Д. 712. Л. 21.

⁷⁸ Рынков В.М., Ильных В.А. Десятилетие потрясений... С. 183.

Омскую, Семипалатинскую, Тюменскую и другие сибирские губернии на разведку лучшей жизни. Одновременно местным властям ставилось в обязанность развернуть агитацию против переселения⁷⁹. К 1920 г. в Сибири скопилось уже 500 тыс. крестьян, не приписанных к земельным обществам и не получивших надела⁸⁰.

Летом 1921 г. начинается стихийная массовая миграция голодающих. 25 июля власти вынуждены были санкционировать свободное переселение в Сибирь населения районов, пораженных голодом⁸¹. Так, в ТАССР первое упоминание о первых признаках надвигающейся катастрофы было зафиксировано местным управлением по эвакуации населения при НКВД в сентябре 1921 г. (в июле беженцев насчитывалось 24, в августе – уже 430, а в сентябре – 2 107 чел.). Властями было принято решение о срочной эвакуации 5 % всего взрослого голодающего населения республики. Основными направлениями организованной эвакуации назывались города Брянск, Гомель, Донецкий угольный бассейн, Нижегородская, Владимирская губернии, Сибирь, Туркестан⁸². Миграция продолжалась до начала 1922 г., несмотря на решение ТатЦИКа о прекращении организованной эвакуации из-за отсутствия финансирования. В целом в 1921 г. в пострадавших от голода губерниях выселились 6,5 % крестьянских хозяйств, в 1922 г. – 5,5 %, в 1923 г. – 4,4 %⁸³. По данным переписи 1926 г., в 1920–1924 гг. на территорию Сибирского края переселилось 650 тыс. чел.⁸⁴

Крестьянство голодавших районов смогло вернуться к нормальной жизни только с началом посевной кампании 1922 г. Так, в Самарской губернии период с февраля по май 1922 г. еще характеризовался как «время сплошного голода с массовыми явлениями трупоедства», общественные настроения исчерпывались понятием «усталости», фиксировалось наличие бандитизма. Однако в мае, когда началась посевная кампания, настроение крестьян кардинальным образом изменилось. Урожай зерновых «сильно смягчил голод <...>. В силу этого и настроение крестьянства улучшилось. Особенно хорошие результаты в отношении увеличения авторитета партии в глазах крестьян дала кампания по расторжению кабальных сделок. Устанавливается взгляд на РКП(б) как на защитницу интересов трудового крестьянства. Отношение крестьян к продналогу хорошее <...>». Умер естественной смертью, лишившись своей политической опоры, и бандитизм⁸⁵.

Одним из негативно окрашенных образов крестьянского сознания в период Гражданской войны, маркером, зафиксировавшим рассогласование социально-утопических представлений крестьянства и официальных идеологических установок, стал образ Коммуны. Закон о социализации земли прочно покоился на принципах отмены «всякой собственности на землю», «передачи земли в пользование всего трудового народа», обрабатывающего ее исключительно собственным трудом, распределения земли на уравнилельно-трудовых началах, и равных прав на пользование землей «у коммун и товариществ, общин и отдельных граждан, и семей и т.д.»⁸⁶, что в целом соответствовало императивам «общинного архетипа». Но к зиме 1919 г. положение изменилось.

Согласно ст. 3 «Положения о социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому земледелию», в целях «окончательного уничтожения всякой эксплуатации человека человеком, для организации сельского хозяйства на основе социализма, а также объединения пролетариата и деревенской бедноты в их борьбе с капиталом» признавался необходимым переход от единоличных форм землепользования к товариществам. В силу этого положения вся земля объявлялась единым государственным фондом,

⁷⁹ Белова И.Б. Вынужденные мигранты: беженцы и военнопленные Первой мировой войны в России. 1914–1925 гг. М., 2014. С. 329.

⁸⁰ Рынков В.М., Ильиных В.А. Десятилетие потрясений... С. 183.

⁸¹ Там же. С. 185.

⁸² Федотова А. «Мы с переселением ужасно провалились» (Эвакуация как один из видов помощи голодающим ТАССР в 1921–1923 гг.) // Гасырлар Авазы (Эхо веков). 2016. № 3–4. С. 71.

⁸³ Жиромская В.Б. Основные тенденции демографического... С. 64.

⁸⁴ Рынков В.М., Ильиных В.А. Десятилетие потрясений... С. 185.

⁸⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 349. Л. 3, 39, 53.

⁸⁶ См.: Основной закон о социализации земли. 27 января (9 февраля) 1918 г. // Декреты Советской власти. Т. I. С. 407–420.

находящимся в распоряжении народных комиссариатов и местных органов власти. Приоритет при осуществлении землеустройства и распределения земли отдавался в первую очередь советским хозяйствам и коммунам, а в последнюю – единоличникам⁸⁷. Это вызвало к жизни стремление крестьян защитить традиционное мироустройство, устои семейно-трудовой формы хозяйствования от посягательств извне и стимулировало социальное недовольство. В 1919 г. Наркомзем был всерьез обеспокоен сведениями, поступавшими с мест, о том, что «сельские общества препятствуют выделу земель группам членов общества, желающих перейти к общественной обработке, организующихся в сельскохозяйственную артель, коммуну и т.д.»⁸⁸.

В дальнейшем увеличение привилегий советских и коллективных хозяйств послужило лишь дополнительным основанием для углубления внутридеревенской конфликтности. Освобождение коммунаров от подводной повинности, материальная поддержка со стороны государства, наличие в хозяйствах запасов зерна, фуража и продовольствия превращали коммунарскую форму организации земледелия в яблоко раздора. Нарушалась освященная традицией социальная ориентация – уравнительный принцип распределения ресурсов внутри общины, что объясняет широкое распространение лозунга: «Громи коммуны, долой коммунию!». Так, протесты против насаждения коллективной формы землепользования были названы основным мотивом восставшего крестьянства в ходе «Чапанной войны»: «Когда инструктор спросил – против кого крестьяне восстают, ему ответили: “Против коммунии”, причем добавили, что стоят за советы» (с. Тереньга Сенгилеевского уезда Симбирской губернии 12 марта 1919 г.); «они идут не против советов, а только лишь против коммунистов-наильников, каковые, якобы, отнимают у крестьян весь хлеб и скот и насильно заставляют переходить в коммуну» (Усинская волость Сызранского уезда Симбирской губернии)⁸⁹.

Необходимо признать, что в период Гражданской войны в условиях архаизации хозяйственных практик и укрепления социально-психологических установок традиционного общества большевикам не удалось реализовать проект по социалистической реконструкции аграрного сектора экономики. Имея стартовый потенциал в виде конфискованной земли и инвентаря, новая власть не обладала необходимыми ресурсами (организационными, кадровыми, финансовыми, материально-техническими, логистическими) для осуществления преобразований. Поэтому попытки запустить процесс перехода мелкого крестьянского производства к крупному механизированному, организационно близкому к предпринимательскому укладу, оказались малоэффективными.

Так, по данным В.М. Рынкова и В.А. Ильиных, к лету 1920 г. в Сибири было создано 262 коммуны, 118 артелей и 82 совхоза, через год число коллективных хозяйств выросло до 1 887: они насчитывали 141 тыс. едоков и получили в свое распоряжение 185 тыс. десятин или 2,5 % всех земель сельскохозяйственного назначения в регионе. Однако данные первых проверок деятельности хозяйств социалистического сектора экономики оказались малоутешительными. В колхозах и совхозах царила полная бесхозяйственность, земля не обрабатывалась, скот уничтожался. Чаще всего создание коллективного хозяйства выступало формой социальной мимикрии, адаптации к новым условиям хозяйствования, обыденного сопротивления аграрной политике. И крестьяне вступали в колхозы и коммуны для того, чтобы получить от государства технику и семена, лучшие земли, льготы по продразверстке, уберечь свое хозяйство от конфискации и т.п. В условиях перехода к нэпу и сокращения господдержки начинается обвальное процесс ликвидации коллективных хозяйств. Так, только в Сибири в 1922 г. было ликвидировано 1 423 коммуны⁹⁰.

В Пензенской губернии на 1 января 1920 г. было организовано 32 коммуны и 51 артель с общим числом едоков в 7 917 чел., получивших в пользование 7 428 дес.⁹¹ Как свиде-

⁸⁷ Известия ВЦИК. 1919. 14 февр.

⁸⁸ ГАПО. Ф. Р-309. Оп. 1. Д. 621. Л. 67.

⁸⁹ Крестьянское движение в Поволжье... С. 238–239, 267.

⁹⁰ Рынков В.М., Ильиных В.А. Десятилетие потрясений... С. 197, 199.

⁹¹ ГАПО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 50. Л. 32.

тельствуют материалы выборочного обследования волостей, к осени 1924 г. в Головинщинской волости действовала лишь одна коммуна «Равенство» (возникла в 1919 г. в с. Андреевка), в составе 96 «едоков», из числа которых лишь 22 были мужчинами. Коммунары заняли бывшую усадьбу местного помещика Бабинова и имели в своем распоряжении 384 дес. земельных угодий. До 1920 г. коммуна состояла из семейных крестьян, объединивших свои хозяйства. Впоследствии ее состав изменился самым кардинальным образом: «преимущественно одиночки, пролетарии, не имеющие ничего, кроме одежды, бедняки и батраки, по большей части из голодающих губерний (Самарская и др.)»⁹².

Участие крестьянства – основной массы населения страны в Гражданской войне оказало важнейшее влияние на ее динамику и результаты. Деревня обеспечивала противоборствующие стороны людскими, продовольственными, сырьевыми и другими ресурсами. Мобилизованные крестьяне составляли большинство военнослужащих Красной и белых армий.

Отношение крестьянства к тяготам Гражданской войны, политике противоборствующих сторон по принуждению их к несению этих тягот определялось двумя обстоятельствами. Первое – это традиционный крестьянский менталитет, основой которого является общинная психология, ориентация крестьянского хозяйства в своей деятельности к минимизации трудовых затрат и возложенных на них государственных повинностей. В годы Гражданской войны он проявился в антигосударственном настрое деревни, ее стремлении не участвовать в войне людскими и материальными ресурсами. Этот фактор объясняет феномен массового крестьянского движения на почве недовольства политикой советской власти и антибольшевистских правительств по принуждению крестьян к участию в войне. И в Советской России, и на подконтрольной большевикам территории в условиях кризиса промышленности и дефицита промышленных товаров и товаров первой необходимости, развала финансовой системы крестьяне не желали сдавать власти хлеб и другие продукты на невыгодных для них условиях. Кроме того, получив в результате революции землю, они рассчитывали сосредоточить все свои силы на ее обустройстве. Поэтому противоборствующие в Гражданской войне режимы столкнулись с проблемой нежелания воевать основной массы крестьян, что проявилось в их массовом дезертирстве из Красной и белых армий. При этом часть крестьян занимала иную позицию: как правило, представители бедноты вступали добровольцами в Красную армию, а верхушка деревни – кулаки – в белые армии.

Акцентируя внимание на антигосударственном настрое крестьян в годы Гражданской войны в силу крестьянской психологии и других факторов, следует отметить, что он не объясняет в полной мере особенности поведения крестьян в различные периоды войны и в отдельных регионах. Здесь необходимо подчеркнуть второе обстоятельство, предопределившее отношение крестьян к советской власти в годы войны. Это поведение на территории сосредоточения бывшего помещичьего землевладения определялось итогами аграрной политики советской власти, утвердившей осуществленный крестьянами в 1917 г. «черный передел» частновладельческой земли на принципах уравнительности («по едокам»). Ничего подобного в аграрной политике антибольшевистских правительств не было. Ни одно из них не могло сделать большего для крестьян в вопросе о земле, чем советская власть. Поэтому при всем негативном отношении крестьян к политике «военного коммунизма» их страх перед белым движением был сильнее. Он решающим образом повлиял на поведение крестьян в критический для советской власти период наступления деникинской армии на Москву. Крестьянская повстанческая армия Махно нанесла серьезные удары по тылам Деникина, ослабив тем самым наступательный порыв деникинской армии. Точно так же крестьянское партизанское движение в Сибири стало серьезным фактором ослабления военного потенциала Колчака и подспорьем Красной армии в его разгроме. Таким образом, не только мобилизованные в ряды Красной армии крестьяне и добровольцы обеспечили победу красных над белыми, но и крестьянские повстанческие отряды в тылу Колчака и Деникина.

⁹² ГАПО. Ф. Р-377. Оп. 1. Д. 21. Л. 70.

Этого нельзя сказать о Белом движении и других антибольшевистских режимах, в том числе в национальных районах. Крестьяне не проявили массового энтузиазма в их защите, потому что социальные вопросы, прежде всего вопрос о земле, оставались для них важнее, несмотря на активные попытки националистов поставить их под свои знамена.

Гражданская война принесла российской деревне колоссальные демографические потери, заложила тенденцию деградации хозяйственного потенциала, способствовала формированию экстремальных практик повседневности, вызвала трансформацию социальной и политической идентичности, тиражирование девиантных и криминальных форм поведения. Но в вихре военных невзгод крестьянство проявило себя отнюдь не безучастной жертвой военно-коммунистического эксперимента. В ходе «черного передела», поддержанного большевистским аграрным законодательством, в результате массового крестьянского повстанческого движения, ускорившего введение в Советской России нэпа, пережившие суровые реалии военного лихолетья крестьяне воплотили в жизнь крестьянский идеал – право хозяйствования на своей земле. Именно при их активном участии и поддержке большевики победили в Гражданской войне своих политических противников.

Литература

Аграрная революция на Европейском Севере России. 1917–1921 (Социальные и экономические результаты) / В.А. Саблин. Вологда: Б.и., 2002. 342 с.

Андреев В.М. Под знаменем пролетариата. М.: Мысль, 1981. 247 с.

Аникст А. Организация рабочей силы в 1920 г. М.: Агит-изд. отд. Г.К.Т. и Н.К.Т., 1921. 126 с.

Большевики Татарии в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны, август 1918 – декабрь 1920: сб. док-тов и мат-лов. Казань: Таткнигоиздат, 1961. 708 с.

Буденный С.М. Пройденный путь. М.: Воениздат, 1958. 448 с.

Васильев М.В. Полки деревенской бедноты в Псковской губернии // XI Машеровские чтения: материалы междунар. науч.-практ. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых (Витебск, 18 октября 2017 г.). Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2017. С. 110–111.

Голдин В.И. Россия в Гражданской войне. Очерки новейшей историографии (вторая половина 1980-х – 90-е годы). Архангельск: Боргес, 2000. 277 с.

Гордеев О.В. Аграрная политика временных государственных образований Сибири в период гражданской войны (1918–1920 гг.). Красноярск: Сибирский гос. технологический ун-т, 2005. 282 с.

Гриф секретности снят. Потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: стат. исслед. / Г.Ф. Кривошеев и др. М.: Воениздат, 1993. 416 с.

Жиромская В.Б. Основные тенденции демографического развития России в XX веке. М.: Кучково поле, 2012. 318 с.

Земельные органы антибольшевистских правительств в Сибири (июнь 1918 – декабрь 1919 г.): сб. док-тов / отв. ред. В.М. Рынков. Новосибирск: ФГБУН ИИ СО РАН, 2017. 543 с.

Из истории гражданской войны в СССР: сб. док-тов и мат-лов / ред. кол. Г.А. Белов и др. М.: Сов. Россия, 1961. Т. 3. 875 с.

История советского крестьянства: в 5 т. 1917–1927 / гл. ред. Г.В. Шарапов. М.: Наука, 1986. Т. 1. Крестьянство в первое десятилетие Советской власти. 455 с.

Кабанов В.В. Крестьянское хозяйство в условиях «военного коммунизма». М.: Наука, 1988. 302 с.

Кляцкин С.М. На защите Октября, 1917–1920. М.: Наука, 1965. 475 с.

Кондрашин В.В. Крестьянское движение в Поволжье в 1918–1920 гг. М.: Янус-К, 2001. 542 с.

Кондрашин В.В. Крестьянское движение в России в годы гражданской войны: к вопросу об истоках сталинизма. М.: РОССПЭН, 2009. 574 с.

Кондрашин В.В. В.П. Данилов – публикатор документов по аграрной истории России XX в. // Отечественные архивы. 2012. № 6. С. 37–44.

Кондрашин В.В. Крестьянское повстанческое движение 1918–1922 гг.: итоги и направления исследования // Россия в годы Гражданской войны, 1917–1922 гг.: очерки истории и историографии. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. С. 437–484.

Краткий очерк продовольственного транспорта, 1918–1920. М.: Б.и., 1920. 36 с.

Крестьянский фронт 1918–1922 гг. сб. ст. и мат-лов / сост. и науч. ред. А.В. Посадский. М.: АИРО-XXI, 2013. 739 с.

Курышев И.В. Партизанщина («Жилиевщина») в Северном Казахстане в 1919 году // «Атаманщина» и «партизанщина» в Гражданской войне: идеология, военное участие, кадры: сборник статей и материалов. М., 2015, 2015. С. 804–815.

Маленьких М.А. Крестьянство Иркутской губернии в условиях контрреволюционных режимов // Революционная Сибирь: истоки, процессы, наследие: сб. ст. Всерос. науч. конф. Сургут: Печатный мир, 2017. С. 210–219.

Мовчин Н. Комплектование Красной Армии. Л.: РВС СССР, 1926. 292 с.

Народные вожаки 1918–1922 гг.: проблемы изучения и понимания. Материалы заочного круглого стола // КЛИО. 2016. № 4. С. 177–210.

Николашин В.П. Социализация земли и переустройство тамбовской деревни (1917–1918 гг.). Мичуринск: Мичуринский ГАУ, 2015. 125 с.

Оликов С. Дезертирство в Красной Армии и борьба с ним. М.: Изд. военной тип. упр. делами Наркомвоенмор и РВС СССР, 1926. 128 с.

Павлюченков С.А. Военный коммунизм в России: власть и массы. М.: Рус. книгоизд. товарищество-История, 1997. 270 с.

Путырский Е.П. Военные комиссариаты Петроградского военного округа и их роль в строительстве Красной армии в 1918 г. // Исторические записки. 1957. Т. 61. С. 72–94.

Репинецкий А.И. Практики выживания населения Поволжья в условиях голода 1921–1922 гг. // Природно-географические факторы в повседневной жизни населения России: история и современность: материалы междунар. науч. конф. СПб.: Ленинградский гос. ун-т (ЛГУ) им. А.С. Пушкина, 2019. С. 248–254.

Рынков В.М., Ильиных В.А. Десятилетие потрясений: сельское хозяйство Сибири в 1914–1924 гг. Новосибирск, 2013. 243 с.

Саблин В.А. Хроника отчаяния и борьбы (Вологодская деревня в годы гражданской войны) // Вологда. Историко-краеведческий альманах. 1994. Вып. 1. С. 187–188.

Скорородов В.П. Из истории партизанской борьбы в Восточной Сибири. Иркутск: Кн. изд-во, 1957. 40 с.

Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. М.: РОССПЭН, 1998. Т. 1. 864 с.

Трошина Т.И. Вельское восстание // Крестьянский фронт 1918–1922 гг. Сборник статей и материалов. М., 2013. С. 211–222.

Федотова А. «Мы с переселением ужасно провалились» (Эвакуация как один из видов помощи голодающим ТАССР в 1921–1923 гг.) // Гасырлар Авазы (Эхо веков). 2016. № 3–4. С. 71–78.

Фоменко П.М. Как воронежские рабочие и крестьяне боролись против Деникина. Воронеж: Кн. изд-во, 1957. 52 с.

Ченская Т.В. Орловское крестьянство в годы гражданской войны (1918–1921 гг.) // XX век и Россия: общество, реформы, революции. 2017. № 5. С. 239–247.

Шафир Я. Белогвардейцы и крестьянство. М.; Л.: Московский рабочий, 1928. 132 с.

Шекшеев А.П. Власть и крестьянство: начало гражданской войны на Енисее (октябрь 1917 – конец 1918 гг.) Абакан: Изд-во Хакасского гос. ун-та им. Н.Ф. Катанова, 2007. 156 с.

Шекшеев А.П. «Дубинная война» на юге Енисейской губернии // Военно-исторические исследования в Поволжье: сб. науч. тр. Саратов, 2017. Вып. 11. С. 88–110.

References

Andreev, V.M. (1981). *Pod znamenem proletariata* [Under the Banner of the Proletariat]. Moscow, Mysl'. 247 p.

Anikst, A. (1921). *Organizatsiya rabochey sily v 1920 g.* [Organization of Labor Force in 1920]. Moscow, Agit-izd. otd. G.K.T. i N.K.T. 126 p.

Belov, G.A. et al. (Eds.). (1961). *Iz istorii grazhdanskoj vojny: sb. dokumentov i materialov* [From the History of the Civil War: Coll. of Documents and Materials]. Moscow, Sovetskaya Rossiya. Vol. 3. 875 p.

Berelovich, A., Danilov, V. et al. (Eds.). (1998). *Sovetskaya derevnya glazami VCHK–OGPU–NKVD* [Soviet Village Through the Eyes of the Cheka–OGPU–NKVD]. Moscow, ROSSPEN. Vol. 1. 864 p.

Budyonny, S.M. (1958). *Proydenny put'* [The Distance Traveled]. Moscow, Voenizdat. 448 p.

Chenskaya, T.V. (2017). Orlovskoye krest'yanstvo v gody grazhdanskoj vojny (1918–1921 gg.) [Oryol Peasantry during the Civil War (1918–1921)]. In *XX vek i Rossiya: obshchestvo, reformy, revolyutsii*. No. 5, pp. 239–247.

Fedotova, A. (2016). "My s pereseleniem uzhasno provalilis'" (Evakuatsiya kak odin iz vidov pomoshchi golodayushchim TASSR v 1921–1923 gg.) ["We Failed Terribly with the Resettlement" (Evacuation as One of the Types of Assistance to the Starving of the TASSR in 1921–1923)]. In *Gasyrlar Avazy (Eho vekov)*. No. 3–4, pp. 71–78.

Fomenko, P.M. (1957). *Kak voronezhskie rabochie i krest'yane borolis' protiv Denikina* [How Voronezh Workers and Peasants Fought against Denikin]. Voronezh, Kn. izd-vo. 52 p.

Goldin, V.I. (2000). *Rossiya v Grazhdanskoj vojne. Ocherki noveyshey istoriografii (vtoraya polovina 1980-kh – 90-e gody)* [Russia in the Civil War. Essays on the Latest Historiography (Second Half of the 1980s – 90s)]. Arkhangelsk, Borges. 277 p.

Gordeev, O.V. (2005). *Agrarnaya politika vremennykh gosudarstvennykh obrazovaniy Sibiri v period grazhdanskoj vojny (1918–1920 gg.)* [Agrarian Policy of the Temporary State Formations of Siberia during the Civil War (1918–1920)]. Krasnoyarsk, Sibirskiy gos. tehnologicheskij un-t. 282 p.

Kabanov, V.V. (1988). *Krest'yanskoe khozyaystvo v usloviyakh "voennogo kommunizma"* [Peasant Economy in the Conditions of "War Communism"]. Moscow, Nauka. 302 p.

Karjaev, T.F. et al. (Eds.). (1978). *Direktivy komandovaniya frontov Krasnoy armii* [Directives of the Command of the Fronts of the Red Army]. Moscow, Voenizdat. Vol. 4. 756 p.

Klyatskin, S.M. (1965). *Na zashchite Oktyabrya, 1917–1920* [In Defense of October, 1917–1920]. Moscow, Nauka. 475 p.

Kondrashin, V.V. (2001). *Krest'yanskoe dvizhenie v Povolzh'e v 1918–1920 gg.* [Peasant Movement in the Volga Region in 1918–1920]. Moscow, Yanus-K. 542 p.

Kondrashin, V.V. (2009). *Krest'yanskoe dvizhenie v Rossii v gody grazhdanskoj vojny: k voprosu ob istokakh stalinizma* [Peasant Movement in Russia during the Civil War: On the Origins of Stalinism]. Moscow, ROSSPEN. 574 p.

Kondrashin, V.V. (2012). V.P. Danilov – publikator dokumentov po agrarnoy istorii Rossii XX v. [V.P. Danilov, a Publisher of Documents on the Agrarian History of Russia in the 20th Century]. In *Otechestvennyye arhivy*. No. 6, pp. 37–44.

Kondrashin, V.V. (2018). *Krest'yanskoe povstanchesкое dvizhenie 1918–1922 gg.: itogi i napravleniya issledovaniya* [Peasant Insurrectionary Movement of 1918–1922: Results and Directions of Research]. In *Rossiya v gody Grazhdanskoj vojny, 1917–1922 gg.: ocherki istorii i istoriografii*. Moscow, St. Petersburg, Tsentri gumanitarnykh initsiativ, pp. 437–484.

Kostrikin, V.I., Osipova, T.V., Sharapov, G.V. et al. (Eds.). (1968). *Istoriya sovetskogo krest'yanstva. T. 1. Krest'yanstvo v pervoe desyatiletie Sovetskoy vlasti. 1917–1927* [History of the Soviet Peasantry. In Five Volumes. Vol. 1. The Peasantry in the First Decade of Soviet Power. 1917–1927]. Moscow, Nauka. 455 p.

(1920). *Kratkiy ocherk prodovol'stvennogo transporta, 1918–1920* [Brief Essay on Food Transport, 1918–1920]. Moscow. 36 p.

Krivosheev, G.F. et al. (1993). *Grif sekretnosti snyat. Poteri Vooruzhennykh sil SSSR v voynakh, boevykh deystviyakh i voennykh konfliktakh. Statisticheskoe issledovanie* [The Seal of Secrecy has Been Removed. Losses of the Armed Forces of the USSR in Wars, Hostilities and Military Conflicts. Statistical Research]. Moscow, Voenizdat. 415 p.

Kuryshv, I.V. (2015). Partizanshchina (“Zhilyaevshchina”) v Severnom Kazakhstane v 1919 godu [Partizanshchina (“Zhilyaevshchina”) in Northern Kazakhstan in 1919]. In “Atamanshchina” i “partizanshchina” v Grazhdanskoj voyne: ideologiya, voennoe uchastie, kadry. *Sbornik statey I materialov*. Moscow, pp. 804–815.

Malen’kikh, M.A. (2017). Krest’yanstvo Irkutskoy gubernii v usloviyakh kontrrevolyutsionnykh rezhimov [The Peasantry of the Irkutsk Province in the Conditions of Counter-Revolutionary Regimes]. In *Revolyutsionnaya Sibir’: istoki, protsessy, nasledie: sb. st. Vseros. nauch. konf.* Surgut, Pechatnyy mir, pp. 210–219.

Movchin, N. (1926). *Komplektovanie Krasnoy Armii* [Manning the Red Army]. Leningrad, RVS SSSR. 292 p.

Nikolashin, V.P. (2015). *Sotsializatsiya zemli i pereustroystvo tambovskoy derevni (1917–1918 gg.)* [Socialization of Land and Reconstruction of Tambov Villages (1917–1918)]. Michurinsk, Michurinskiy GAU. 125 p.

Olikov, S. (1926). *Dezertirstvo v Krasnoy Armii i bor’ba s nim* [Desertion in the Red Army and the Fight against It]. Moscow, Izd. voennoy tip. upr. delami Narkomvoenmor i RVS SSSR. 128 p.

Pavlyuchenkov, S.A. (1997). *Voennyi kommunizm v Rossii: vlast’ i massy* [War Communism in Russia: The Power and the Masses]. Moscow, Rus. knigoizd. tovarishchestvo-Istoriya. 270 p.

Poltorak, S.N. (Ed.). (2016). Narodnye vozhaki 1918–1922 gg.: problemy izucheniya i ponimaniya. *Materialy zaochnogo kruglogo stola* [Folk Leaders of 1918–1922: Problems of Study and Understanding. Materials of the Correspondence Round Table]. In *KLIO*. No. 4, pp. 177–210.

Posadskiy, A.V. (Ed.). (2013). *Krest’yanskiy front 1918–1922 gg. Sbornik statey i materialov* [Peasant Front 1918–1922. Collection of Articles and Materials]. Moscow, AIRO-XXI. 739 p.

Putyrsky, E.P. (1957). Voennye kommissariaty Petrogradskogo voennogo okruga i ikh rol’ v stroitel’stve Krasnoy armii v 1918 g. [Military Commissariats of the Petrograd Military District and Their Role in the Construction of the Red Army in 1918]. In *Istoricheskie zapiski*. Vol. 61, pp. 72–94.

Repinsky, A.I. (2019). Praktiki vyzhivaniya naseleniya Povolzh’ya v usloviyakh goloda 1921–1922 gg. [Practices of Survival of the Population of the Volga Region during the Famine of 1921–1922]. In *Prirodno-geograficheskie faktory v povsednevnoy zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost’*. *Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*. St. Petersburg, pp. 248–254.

Rynkov, V.M. (Ed.). (2017). *Zemel’nye organy antibol’shevistskikh pravitel’stv v Sibiri (iyun’ 1918 – dekabr’ 1919 g.): sbornik dokumentov* [Land Authorities of the Anti-Bolshevik Governments in Siberia (June 1918 – December 1919): Collection of Documents]. Novosibirsk, FGBUN In-t istorii Sibirskogo otd. RAN. 543 p.

Rynkov, V.M., Ilinykh, V.A. (2013). *Desyatiletie potryaseniya: sel’skoe khozyaystvo Sibiri v 1914–1924 gg.* [A Decade of Upheavals: Siberian Agriculture in 1914–1924]. Novosibirsk, FGBUN In-t istorii SO RAN. 243 p.

Sablin, V.A. (1994). Khronika otchayaniya i bor’by (Vologdskaya derevnya v gody grazhdanskoj vojny) [Chronicle of Despair and Struggle (Vologda Village during the Civil War)]. In *Vologda. Istoriko-kraevedcheskiy al’manah*. Is. 1, pp. 187–188.

Sablin, V.A. (2002). *Agrarnaya revolyutsiya na Yevropeyskom Severe Rossii. 1917–1921 (Sotsial’nye i ekonomicheskie rezul’taty)* [Agrarian Revolution in the European North of Russia. 1917–1921 (Social and Economic Results)]. Vologda, OOO PF Poligrafist. 342 p.

Shafir, Ya. (1928). *Belogvardeytsy i krest’yanstvo* [The White Guards and the Peasantry]. Moscow, Leningrad, Moskovskiy rabochiy. 132 p.

Sheksheev, A.P. (2007). *Vlast’ i krest’yanstvo: nachalo grazhdanskoj vojny na Yeniseye (oktyabr’ 1917 – konets 1918 gg.)* [Power and the Peasantry: The Beginning of the Civil War on the

Yenisei (October 1917 – the End of 1918)]. Abakan, Izd-vo Hakasskogo gos. un-ta im. N.F. Katanova. 156 p.

Sheksheev, A.P. (2017). “Dubinnaya voyna” na yuge Yeniseyskoy gubernii [“Cudgel War” in the South of the Yenisei Province]. In *Voенно-istoricheskie issledovaniya v Povolzh’e: sbornik nauchnyh trudov*. Saratov. Is. 11, pp. 88–110.

Skorokhodov, V.P. (1957). *Iz istorii partizanskoy bor’by v Vostochnoy Sibiri* [From the History of Partisan Struggle in Eastern Siberia]. Irkutsk, Kn. izd-vo. 40 p.

Troshina, T.I. (2013). *Vel’skoe vosstanie* [Velsk Uprising]. In *Krest’yanskiy front 1918–1922 gg. Sbornik statey i materialov*. Moscow, pp. 211–222.

Vasiliev, M.V. (2017). Polki derevenskoy bednoty v Pskovskoy gubernii [Shelves of the Rural Poor in the Pskov Province]. In *XI Masherovskie chteniya: materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf. studentov, aspirantov i molodykh uchenykh (Vitebsk, 18 oktyabrya 2017 g.)*. Vitebsk, VGU imeni P.M. Masherova, pp. 110–111.

Zamaleeva, N.Z. et al. (Eds.). (1961). *Bol’sheviki Tatarii v gody inostrannoy voennoy interventsii i grazhdanskoy voyny, Avgust 1918 – dekabr’ 1920: sb. dokumentov i materialov* [Bolsheviks of Tataria during the Years of Foreign Military Intervention and Civil War, August 1918 – December 1920: Coll. of Documents and Materials]. Kazan, Tatknigoizdat. 708 p.

Zhyromskaya, V.B. (2012). *Osnovnye tendentsii demograficheskogo razvitiya Rossi v XX veke* [The Main Trends in the Demographic Development of Russia in the Twentieth Century]. Moscow, Kuchkovo pole. 318 p.